

ЛОДКА ПЛЫВЕТ К ДОМУ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Александр Борисович Плетнёв... Невозможно представить, что прошло пять лет после его ухода, настолько четко помнятся его спектакли, он сам — щедро одаренный профессиональностью и человеческими качествами, доброжелательный, с отточенным чувством юмора, немного сентиментальный, благородный, что не мешало ему часто быть резким в суждениях, умеющий отстоять свою точку зрения, никого при этом не оскорбляя и не унижая.

Ему был отпущен до боли короткий век — 50 лет, из которых двенадцать лет общения подарила мне судьба. До обидного мало! Но с судьбой не поспоришь...

Не забыть нашего знакомства в Ярославле на театральном фестивале. Накануне Плетнёву и мне сообщили, что рано утром мы должны дать интервью на радио, машина придет в гостиницу в 5 часов утра. И ровно в указанное время два едва знакомых, хмурых и невыспавшихся человека стояли на пороге

гостиницы и мрачно курили. Ни словом не обмолвились, пока ехали в студию. Увидев две приготовленные чашки кофе, несколько оживились и посмотрели друг на друга более приветливо. А когда начался эфир и нам стали задавать вопросы, поймала себя на том, что внимательно прислушиваюсь к тому, что Саша говорит: он был немногословен, но очень точен в своих оценках увиденного и театральной ситуации вообще. Его точка зрения оказалась такой близкой, словно пуд соли был уже съеден нами давно.

Его спектакль «Игроки» **Н.В. Гоголя**, показанный накануне, не просто заинтересовал, а глубоко задел четко выверенной идеей постановки, замечательным актерским ансамблем и — захотелось приехать в Калугу и посмотреть другие спектакли Александра Плетнёва. Вскоре я получила от него приглашение и отправилась в недолгий путь.

Чеховских «Трех сестер» я запомнила навсегда. Казалось бы, ничего особенного:

Александр Плетнёв

На гастроях в Вологде

классическая постановка в традициях русского психологического театра, но режиссер придумал пространство зала ожиданий на вокзале и военных, солдат и офицеров, которые безмолвно переставляли скамьи, начинали кружиться, разбившись на пары, в вальсе, и возникало то удивительное ощущение привычной жизни Прозоровых, которого я не чувствовала ни в одном спектакле: умение буквально из ничего наладить и обустроить уют в сменяющихся друг друга городах и домах, военное окружение с регламентированным существованием, отчаяние, когда полки перемещаются в другое место, а Ольга, Маша и Ирина остаются в доме, уже не принадлежащем им...

В большинстве его спектаклей, в знакомых пьесах для меня всегда открывалось что-то неожиданное, не увлеченное раньше. Саша Плетнёв умел как-то удивительно повернуть текст, словно в калейдоскопе, и разноцветные стеклышки складывались в рисунок непредсказуемый, волнующий и яркий.

Но были среди его спектаклей и те, которые я не принимала безоговорочно,

и тогда мы начинали спорить. В какой-то момент он явно уставал от этого бессмысленного диалога — ведь он находился внутри долгого и непростого процесса, а я была человеком со стороны, пусть и искренне болеющим за него. И тогда мы переходили на другие темы — я, все еще внутренне кипящая, а он так легко и естественно, словно мы и не «выясняли отношений» минуту назад...

С Сашей все происходило очень просто и естественно, потому что он был человеком открытым и очень щедрым. Мне уже доводилось писать о том, как он встречал мой семинар театральных журналистов со всей России, который я несколько раз привозила в Калугу!.. Настаивал, чтобы я освободила какое-то время для экскурсий, и под его давлением, понимая, насколько важно людям из других городов увидеть не только театр, я находила время, чтобы он свозил нас всех на Святой источник или в Оптину пустынь. Саша дарил нам всем эти места, словно они были его собственностью — и сейчас, спустя время, я понимаю, что весь мир был его собственностью, которой он так

С Борисом Голубовским

щедро делился со своими артистами, зрителями, со всеми нами.

Саше было присуще обостренное восприятие происходящего, это отличало его от многих и притягивало к нему людей разных возрастов, разных пристрастий. Он ничего не навязывал — делился. Любил и глубоко ценил стихи и музыку — высочайшее проявление человеческой культуры и творчества.

Ученик **Бориса Гавриловича Голубовского**, Саша в чем-то был его продолжением (мы не раз говорили об этом, когда приходили вместе с ним к учителю в знаменитый Дом на набережной), а в чем-то — оппонентом. Немногочисленные наши совместные «гостевания» у Бориса Гавриловича оставили по себе яркую память. Учитель и ученик, отлично понимающие друг друга, настроенные на одну волну, они оба были ироничны, обладали великолепным юмором, любили вспоминать забавные эпизоды студенческого прошлого, рассказывать анекдоты, однако, и для серьезных разговоров о профессии находилось время. Я слушала их с на-

слаждением, вспоминая своих учителей, и мне становилось особенно тепло и светло в обществе Голубовского и Плетнёва.

Борис Гаврилович, как мне кажется, ценил в Плетнёве не только самостоятельность мышления, самостоятельность и смелость в профессии, но и эти юмор, иронию, отсутствие какого бы то ни было высокомерия или переоценки себя. За это же высоко ценил его и еще один педагог — **Владимир Георгиевич Боголепов**, рано ушедший главный режиссер прославленного Ярославского театра имени Федора Волкова...

Саша работал так много и ненасытно, словно чувствовал, что времени ему отпущено немного. И в последние годы, когда он тяжело и мучительно болел, каждым облегчением пользовался с расточительностью, не думая поберечься. Мне казалось тогда и кажется сегодня, что в глубине души он неустанно повторял строки Булата Окуджавы, творчество которого так любил: «Главное — это гореть и, сгорая, не сокрушаться о том. Может быть, кто и осудит сначала, зато не забудет потом...»

«Дом Восходящего Солнца»

«Лодка»

«Двенадцатая ночь»

Человек, глубоко и искренне верующий, он пытался противостоять судьбе до последнего: ставил спектакли, писал книги, отпраздновал 10 января 2014 года свой 50-летний юбилей, на который приехали артисты из городов, в которых он ставил, — Владимира, Саратова. Они очень любили Александра Борисовича Плетнёва, очень верили ему...

И на вторую годовщину со дня его ухода, на следующий день после закрытия сезона, по собственной инициативе артисты **Сергей Дунин, Леонид Клёц и Захар Машенков** устроили вечер памяти Александра Плетнёва под названием «**В одной лодке**». Один из самых звездных спектаклей Плетнёва «**Лодка**» по сей день в репертуаре театра, участвует с большим успехом в фестивалях. Но главное заключается в том, что названные и неназванные артисты до сих пор ощущают себя в одной лодке с тем, с кем плыли по театральному морю счастливо.

А в год пятилетия Леонид Клёц организовал **фестиваль имени Александра Борисовича Плетнёва**. И снова был вечер памяти, и снова артисты и гости долго не могли разойтись, вспоминая того, кто сумел так прочно соединить их.

Уже навсегда.

Проработав в **Калужском драматическом театре** 18 лет, Саша очень много сделал: неустанно работал, воспитывал учеников, находил время для «неформального» общения с артистами, художниками, был по-настоящему демократичен и честен во всем, что делал.

Время неумолимо бежит вперед. Многое меняется к лучшему и к худшему с переменным успехом — так уж заведено. Но думая о Калужском театре, о его труппе, я всегда мысленно произношу слово «настоящие». Такие, каким был он во всех своих проявлениях. А это значит только одно: они будут плыть в лодке, запущенной Сашей Плетнёвым по вольным водам, усердно погружая весла на глубину, двигаясь с трудом вперед, порой уставая и отдаваясь течению. Но память и энергия, даст Бог, сохранится в них. Остались в афише спектакли Александра Плетнёва «Лодка» и «Дом Восходящего Солнца», они не дадут расстаться с ним...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Фото из личного архива Татьяны ПИСКАРЁВОЙ
(ПЛЕТНЁВОЙ)